

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
XVII**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2006

ББК 81
Б 20

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 05-04-16145)*

Редакционная коллегия:

*А. А. Гиппиус, П.-У. Дини, М. В. Завьялова,
Вяч. Вс. Иванов (отв. ред. серии), С. Каралюнас, Б. Лаумане, В. Мажюлис,
Н. А. Михайлов, Е. Л. Назарова, Л. Г. Невская, С. И. Рыжакова,
А. Сабаляускас, Б. Стунджа, Т. М. Судник, В. Н. Топоров, У. Шмальштитз*

Балто-славянские исследования. XVII. Сборник научных трудов. — М.: Индрик, 2006. — 528 с.

ISBN 5-85759-383-2

В семнадцатом томе рассматриваются проблемы этногенеза балтов, гидронимии, этимологии, типологии и истории балтов и славян. В разделе «Разнос» — обзоры недавно вышедших изданий по балтистике в Литве, Латвии и России, рецензии, хроника.

ISBN 5-85759-383-2

© Институт славяноведения РАН, 2006
© Коллектив авторов, 2006
© Издательство «Индрик», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Николаевич Топоров (1928–2005) и балто-славянские исследования (<i>Вяч. Вс. Иванов</i>)	7
<i>В. Н. Топоров</i> . Еще раз о <i>неврах</i> и <i>селах</i> в общепалтийском этноязыковом контексте (народ, земля, язык, имя). Из истории и.-евр. * <i>neur-</i> : * <i>nour-</i> и * <i>sel-</i> (неумирающая память об одном балтийском племени)	15
<i>В. Блажек</i> . Балтийские горизонты в восточночешской гидронимии?	76
<i>С. Каралюнас</i> . Рефлекс и.-е. * <i>bhāgos</i> ‘бук (<i>Fagus silvatica</i>)’ в литовском языке	93
<i>А. П. Непокупный</i> . Два этюда о цветообозначениях в Эльбингском словаре	99
<i>Ю. В. Откупщиков</i> . Балтийские языки и индоевропейские реконструкции	110
<i>В. А. Дыбо</i> . Порождение акцентных типов производных имен в балтийском	116
<i>П. М. Аркадьев</i> . Парадигматические классы первичных глаголов в литовском языке. Формальные противопоставления и их семантическая мотивация	250
<i>Д. Разаускас</i> . Символика рыбы, связанная с нижним миром и смертью, в балто-славянской традиции	295
<i>Е. Коницкая, Б. Ясюнайте</i> . Жаворонков снег (происхождение снега в традиционной культуре)	353
<i>И. Витола</i> . Названия мест с кладами в латышских народных преданиях	373
<i>Г. Земитис</i> . Погребения со специально поврежденным могильным инвентарем	394
<i>В. И. Кулаков</i> . Раскопки поселения и могильника эпохи викингов Кауп. 1956–2004 гг.	413
<i>В. И. Кулаков</i> . История городской археологии Кёнигсберга	458
<i>А. В. Андронов, Л. Лейкума</i> . Латыши и латгалцы Сибири: язык и культура	476

А. В. АНДРОНОВ, Л. ЛЕЙКУМА

ЛАТЫШИ И ЛАТГАЛЬЦЫ СИБИРИ: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Поселения выходцев из Прибалтики в Сибири начали массово возникать в конце XIX в. в связи с выделением крестьянам неосвоенных земель царским правительством (ранее появление латышей, литовцев, эстонцев в Сибири было связано в основном со ссылкой). Переселенцы размещались на специально для них отведенных территориях — «участках», образуя сотни новых деревень и хуторов. Правительство Российской империи активно поддерживало и координировало переселенческое движение (эта политика продолжалась и в период столыпинских реформ). После революции и гражданской войны властями был предпринят ряд мер по развитию малых народов Советского Союза, однако в 1930-е гг. ориентация на развитие постепенно сменилась подавлением национальных различий, подозрительностью к людям нерусского происхождения, а в 1937–1938 гг. — жестокими репрессиями национальных меньшинств, проводимыми в определенной последовательности: немцы, поляки, харбинцы (японцы), латыши, после них — эстонцы, греки, финны, китайцы, венгры... В это время связь переселенцев с прародиной практически прервалась, закрывались церкви, прекратилось преподавание родного языка и издание национальной литературы и газет. За сто лет своего существования в Сибири прибалты пережили и благожелательное отношение властей, и репрессии, и долгий период безразличия. Тем не менее жители этих так называемых колоний до сих пор (в разной степени) сохраняют родной язык, фольклор, национально-культурную самобытность.

Изучение культурных связей Прибалтики и России — одно из основных направлений научной работы отделения балтистики Санкт-Петербургского государственного университета (<http://www.genling.nw.ru/baltist/balticru.htm>). Исследование латышской диаспоры в Сибири проводится в тесном сотрудничестве с Латвийским университетом. Важным подспорьем в этой работе являются сделанные нашими предшественниками описания расселения латышей и латгальцев, их культурной жизни, состояния деревень. Первым «летописцем» в этом смысле является католический ксендз К. Скринда, сопровождавший епископа Я. Цепляка в его визитационной поездке по Сибири в 1909 г. и опубликовавший серию очерков в латгальской газете «Друва». В 1920-е гг. изучением латышских колоний в России занимался К. Шкилтерс («Latkoloniju vēsture». М., 1928), в конце 1930-х гг. в Латвии было опубликовано подробное исследование В. Краснайса («Latviešu kolonijas». Рига,

1938). Несмотря на постепенное стирание национальных различий в Советском Союзе, ученые продолжали проявлять интерес к истории и культуре латышей в России (Б. Брежго, Дз. Виксна, А. Бейка, Я. Бролишс, В. Штраусс, Р. Озолия). Нельзя не упомянуть двух энтузиастов — Улдиса Бриедиса и Ингварса Лейтиса, в 1975 г. проехавших от Риги до Владивостока и посетивших многие латышские деревни Сибири, собрав уникальный материал об их жителях (<http://www.iclub.lv/life/galv.htm>). Важны также книги новосибирского историка М. Н. Колоткина («Балтийская диаспора Сибири», «Латгалские поселенцы в Сибири», 1994), информация «Сибирской советской энциклопедии» (1929–1937), энциклопедии «Новосибирск» (2003), работы сибирских историков-краеведов Л. К. и Г. С. Лопаткиных, В. В. Ускова, М. С. Лавринова, позволяющие лучше представить ситуацию в местном контексте.

Латышский язык в Сибири привлек внимание специалистов в середине 1980-х гг. Академией наук Латвийской ССР были организованы экспедиции в места расселения латышей (1985 г. — в Архангельский район Башкирии, 1991 г. — в деревню Нижняя Буланка Каратузского района Красноярского края), материалы этих исследований частично опубликованы в отдельных статьях. В некоторых латышских деревнях с 1989–1990 гг. работали учителя родного языка из Латвии, приезжали священнослужители, для детей в Латвии организовывались летние лагеря. Несмотря на то, что распад Советского Союза затруднил развитие этого взаимодействия, и в настоящее время основные центры проживания латышей в Сибири получают поддержку в рамках правительственных программ Латвии, туда направляется литература, в некоторых местах работают преподаватели латышского языка (на начало 2006 г. — в Красноярске и в Нижней Буланке Красноярского края, в Бобровке и Озолайне Омской области). О латышах Сибири периодически появляются отдельные публикации более или менее научно-популярного характера, однако целенаправленное лингвистическое, фольклорное или этнографическое изучение их до недавних пор не возобновлялось.

В июле 2004 г. Санкт-Петербургским и Латвийским университетами была организована первая после долгого перерыва этнолингвистическая экспедиция в Красноярский край¹. В составе экспедиции работали два отряда: один (руководитель А. В. Андронов) был ориентирован на подробное описание языковой ситуации в одном поселе-

¹ Коллеги из Латвийского университета и Латвийской Академии наук провели также экспедицию в деревню Тимофеевка Новосибирской области (сентябрь 2004 г., руководитель Я. Курсите) и совершили обзорную поездку по Томской области и Красноярскому краю (август 2005 г., руководитель И. Межс; см.: <http://www.iclub.lv/life/LB/mezs2.htm>).

нии — деревне Нижняя Буланка (латышская колония основана здесь в 1858 г.), другой (руководитель Лидия Лейкума) ставил своей задачей поиск в южной части Красноярского края потомков переселенцев из Латгалии, еще сохранивших свой язык.

Одной из задач экспедиции 2004 г. в Нижнюю Буланку была оценка изменения состояния местного варианта латышского языка за период, прошедший со времени комплексной экспедиции Латвийской АН 1991 года. Этот вопрос был в центре внимания заведующей отделом ареальных исследований Института латышского языка Анны Стафецки, которая принимала участие и в первой экспедиции.

В 20–30-е гг. прошлого века население Нижней Буланки насчитывало более тысячи человек, это было богатое село (два колхоза, две школы, церковь, ферма, лесопилка; дома располагались на пяти улицах), — летом 2004 г. здесь проживало чуть более 100 человек (127 по данным похозяйственной книги Моторского сельсовета). За редким исключением все жители — потомки первых переселенцев из Латвии, и большинство до сих пор в бытовом общении использует латышский язык. К сожалению, трудная экономическая ситуация (после закрытия колхоза средством существования является в первую очередь натуральное хозяйство) заставляет жителей переселяться в районный центр и другие более перспективные поселки, что приводит к рассеиванию населения и постепенной утрате языка, переключению на русский язык. Некоторые буланцы еще в 90-е гг. переехали в Латвию. Неуклонно сокращается и число учеников в местной школе: в 2004–2005 учебном году она из семилетней была преобразована в начальную, в оставшихся четырех классах училось по одному ученику. Несмотря на то, что с начала 90-х гг. в Нижней Буланке работают преподаватели латышского языка, большинство жителей не умеет писать и читать по-латышски. Исключением являются лишь люди самого старшего поколения, еще заставшие занятия по латышскому языку в школе в 30-е гг., и несколько представителей сельской интеллигенции среднего возраста. Почти все жители деревни свободно владеют русским языком (лишь среди самого старшего поколения есть люди, плохо говорящие по-русски). Латышский язык в Нижней Буланке хорошо сохраняет особенности говора первых переселенцев — носителей ливонского диалекта: редукцию окончаний, приводящую к упрощению системы словоизменения в целом, разрушение категории грамматического рода с обобщением форм мужского рода для всех случаев. Отдельного рассмотрения требуют вопросы языковой интерференции, влияния русского языка.

Вопрос, как долго еще сможет жить латышский язык в Нижней Буланке — как и в других латышских (и вообще национальных) де-

ревнях Сибири — в первую очередь связан с проблемой развития деревни как таковой. Для сохранения латышской культуры и языка здесь недостаточно лишь усилий приезжающих из Латвии учителей и отдельных энтузиастов, необходима реорганизация хозяйства, которая прекратила бы распыление коренного населения.

Деревня Нижняя Буланка является одним из наиболее известных островков латышского языка в Сибири — в Красноярском крае² (кроме нее обычно упоминаются деревни в Омской области — Рыжково и Бобровка — и села Архангельского района в Башкирии). Посещение ее было интереснейшим опытом и глубоким эмоциональным переживанием для многих участников экспедиции, впервые оказавшихся в латышской деревне в глубинке России, однако настоящее открытие выпало на долю другого отряда, обнаружившего уцелевшие до наших дней латгальские деревни, о существовании которых в Латвии даже не было известно. Выяснилось, что в Красноярском крае до сих пор сохраняются латгальские деревни, жители которых прекрасно говорят по-латгальски, причем для некоторых латгальский является единственным языком, на котором они могут полноценно общаться с окружающими. Эти деревни не имеют никакой связи с Латвией и до настоящего времени на них вообще не было обращено внимание исследователей.

Работа второго отряда экспедиции началась с города Ачинска и его педагогического колледжа. Сотрудники музея колледжа, занимающиеся и историей местных латгальцев и собравшие материал о некоторых выпускниках, а также о директоре колледжа (техникума) И. Мейкшане, проявили живой интерес к нашей работе. Очень существенную помощь в поисках земляков экспедиции оказал католический костел Ачинска, наиболее активными прихожанами которого оказались как раз латгальцы. (Следует отметить, что и в наших двух последующих экспедициях помощь католической церкви была очень ощутимой — не только в Ачинске, но и в Новосибирске и Куйбышеве Новосибирской области; национальное самосознание латгальцы сохранили во многом благодаря вере.) Более близкое знакомство с латгальцами Ачинска способствовало дальнейшей работе, позволив сэкономить время на поиски информантов. Много интересных бесед удалось записать не только в окрестных латгальских деревнях (Нагорново, Грязново (теперь — Красная Заря), Бычки, Богатое, Счастлиное), но и в самом городе Ачинске, куда латгальцы переселились из

² См. книгу об истории деревни «Lejas Bulāna — latviešu ciems Sibīrijā» (Рига, 1995), подготовленную В. Страутнице с большой любовью и участием к судьбам соотечественников.

распадающихся или уже исчезнувших селений, подробнейшими воспоминаниями о которых наши информанты щедро делились. Замечательно, что в речи латгальцев в целом хорошо сохранились особенности языка первых переселенцев: через сто лет можно идентифицировать конкретный говор, *gesp.* район, откуда происходили предки информанта: в окрестности Ачинска, например, переселились в основном жители севера Латгалии — нынешнего Балвенского района, а также Алуксненского района. (Первоначальные догадки в полной мере подтвердились позднейшими исследованиями в архиве, продолжением работы с информантами.) Другой говор Латгалии (окрестностей Резекне) представлен в Сахарном, третий (южной Латгалии) — в Боготле и Тюхтете (все это — по результатам экспедиции 2005 г.), четвертый (окрестностей Лудзы — в восточной Латгалии) в конце нашей третьей экспедиции удалось услышать в Куйбышеве Новосибирской области, где живут выходцы из деревень Рямовск(ое) (уже исчезнувшей) и Тимофеевка.

Кроме окрестностей Ачинска в 2004 году «латгальский» отряд посетил Красноярск, где также удалось встретиться с несколькими латгальцами, сохраняющими родной язык. В дальнейших поисках, продолжавшихся на правом берегу Енисея (деревни Куллог, Салба, Алгаштык), мы руководствовались в основном указаниями Александра Кудиньша (1919–2004) — уроженца деревни Креславка, в середине 1930-х гг. работавшего учителем латгальского языка в Малиновке Новосибирского района, встретиться с которым нам удалось во время подготовки экспедиции в Латвии. Безусловно, не все латгальские деревни сохранились до нашего времени — в некоторых живут лишь по несколько человек, еще помнящих латгальский (особенно в Алгаштыке), многие уже давно заброшены (знаменитая Креславка, Витебка), некоторые были уничтожены при коллективизации еще в 1930-е гг. или затоплены при строительстве Красноярского водохранилища в 1960-е (Строганово).

Разведывательная поездка «латгальского» отряда в 2004 г. приоткрыла огромный пласт неизведанной истории латгальских поселений, а экспедиция в целом убедительно показала необходимость продолжения исследования языка и культуры потомков переселенцев из Латвии в Сибирь. Важной является как научная систематизация уже имеющихся сведений, так и определение современного состояния «колоний», а также координация работы по сбору конкретного лингвистического, фольклорного и этнографического материала в новых экспедициях. Особенно актуально исследование латгальцев, на которых до сих пор не было обращено специального внимания. Актуализация этого факта определила направление нашей дальнейшей работы.

Исследование языка латгальцев Сибири — новое направление в латгалистике. В то время как язык западной диаспоры описывается в трудах многих ученых (М. Букшс, Л. Латковскис и др.), о восточном варианте латгальского языка известно гораздо меньше, причем после публикаций 1930-х гг. новой информации о нем практически нет. Научные экспедиции, ознакомительные поездки, государственная помощь со стороны Латвии осуществляются без учета отсутствия интеграции латышей и латгальцев в Сибири. Языковые, культурные и религиозные отличия в условиях диаспоры определяют раздельную самоидентификацию латышей и латгальцев, особенно в России, где официально это различие поддерживается установкой Всесоюзной переписи населения 1926 г. о двух соответствующих национальностях. Несомненно, что для изучения латгальцев Сибири должны организовываться самостоятельные экспедиции (еще в 1970-е годы Ингварс Лейтис пришел к выводу, что латгальцев должны изучать латгальцы — см. <http://www.iclub.lv/life/agluna.htm>)³.

В двух последующих экспедициях СПбГУ и Латвийского университета (июль 2005 г., январь — февраль 2006 г.) внимание было сконцентрировано на латгальцах города Ачинска и его окрестностей. Место проведения экспедиций определила большая концентрация латгальцев в этом районе и важная роль Ачинского педагогического техникума в истории латгальцев России: в 1931–1938 гг. здесь действовало латгальское школьное отделение, готовившее учителей латгальского языка для многочисленных сельских школ (некоторых выпускников его нам удалось встретить).

Кроме общения с информантами важное место в работе экспедиций занимает изучение архивных материалов — не только в Архиве администрации г. Ачинска (об истории латгальского отделения, о распределении земельных участков для переселенцев из Витебской губернии), но и в Государственном архиве Новосибирской области (в первую очередь — материалы редакции латгальской газеты «Тайснейба», а также история национальной политики СССР в 1920–1930-е гг.), в Государственном архиве Красноярского края, в Архиве администрации г. Минусинска (история переселенцев из Латгалии на правобережье Енисея) и др.

³ Языковая ситуация в Сибири позволяет в новом свете взглянуть на проблему лингвистического статуса латгальского идиома: для латгальцев России их родной язык не может определяться как диалект латышского, в их сознании он не ассоциирован с латышским языком, которого они в принципе не знают. В России латгальский может считаться самостоятельным языком (подобно тому, как таджикский считается языком в Таджикистане, но диалектом в Афганистане).

Отклик, который получили наши экспедиции у местного населения, заставил обратить внимание на этическую сторону вопроса: невозможно было заниматься лишь академической фиксацией фактов, — пришлось задуматься о более тесном взаимодействии с информантами, о реальной помощи в возрождении и развитии их национального самосознания, расширении кругозора, прояснении их прошлого. Поэтому во время экспедиции 2006 г. была организована Зимняя школа латгальского языка и культуры в Ачинском педколледже. В течение двух недель был прочитан цикл лекций о Латгалии, Латвии, истории переселения, особенностях латгальского языка и культуры, культурной жизни сибирских латгальцев в 1930-е гг., перспективах и проблемах современной Латвии, проводились практические занятия по латгальскому языку, разучивались латгальские народные песни и танцы. Все это позволило втянуть в работу широкую аудиторию (занятия посещали до 50 человек из числа местных латгальцев, а также учащиеся и преподаватели колледжа) и пробудить в латгальцах заботу о состоянии своей национально-культурной среды. Латгальцам была крайне необходима «официальная» поддержка: колебания органов власти в отношении признания этой народности, проблемный статус латгальского языка, недостаток ясной информации в литературе — все это вызывало (оправданное!) чувство забытости и ненужности, ощущение какой-то неполноценности, «ошибки», сделавшей их менее важными, чем представители многих других — «известных» — народностей Сибири (немцев, татар, чувашей и др.). Надеемся, что появившаяся у латгальцев Ачинска идея создания латгальского национально-культурного общества скоро воплотится в жизнь. Это придаст смысл проведению подобных зимних школ и организации других культурных мероприятий и в дальнейшем.

Прикосновение к проблематике латгальцев Сибири открывает множество актуальных направлений исследований: история появления первых деревень в конце XIX — начале XX в. и механизм их заселения, политика Советского Союза в вопросах национальных меньшинств и культурная жизнь латгальцев в 1920–1930-е гг., жизнь и деятельность представителей латгальской интеллигенции, становление норм латгальского языка в СССР в 1930-е гг., поиск и изучение латгальских книг, издававшихся в России, создание корпуса текстов этого периода (газета «Taisneiba», журнал «Ceīņas Karūgs», учебники, хрестоматии по литературе и др.), культурное наследие латгальцев Сибири, их язык сегодня, проблема интерференции и умирания и возрождения языка.